
Тематические сообщения

УДК 159.9

«СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЛЕСА» НА ЗДАНИИ, КОТОРОЕ НАЗЫВАЕТСЯ «ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Г.В. Залевский^а

^а *Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14*

Анализируется проблема исчезновения из поля предметов психологии собственно человека, на место которого становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, могут заслонить конечную цель психологического исследования». Автор обращает внимание на то, что абсолютизация отдельных категорий проявилась в психологии на самом первом ее этапе в качестве самостоятельной науки, в процессе поиска своего предмета исследования. Предлагается в качестве предмета научной психологии рассматривать человека с позиции целостно-ценностной парадигмы как биопсихосоциодуховного (ценностно-смыслового) образования.

Ключевые слова: психология; личность; биопсихосоциодуховность; уникальность; индивидуальность; смысл.

Ищу человека!
Диоген

По мнению Виктора Франкла, создателя логотерапии – третьей венской школы психотерапии, «мы изучили человека в XX в. так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти газовые камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [1. С. 119]. О «многоликости» человека говорил и Омар Хайям: «Человек, словно в зеркале мир, многолик. Он ничтожен и все же безмерно велик». Поэтому и сегодня остается открытым вопрос, который более 200 лет назад задал Иммануил Кант: а действительно ли мы уже точно знаем, что такое человек? В письме к профессору Фридриху Штойдлингу от 4 мая 1793 г. Кант рассказал о целях своей работы: «Давно задуманный план относительно того, как нужно обработать поле чистой философии в решении трех задач: 1. Что я могу знать? (метафизика); 2. Что я должен знать? (мораль); 3. На что я смею надеяться? (религия). Наконец, за этим должна последовать **четвертая**

задача – что такое человек? (Was ist der Mensch?)» [2]. Несомненная заслуга Канта состоит в том, что он способствовал движению «философии без человека к философии с человеком, эмпирической психологии» [3]. Но справилась ли «философия с человеком» и психология человека со времен Канта с этой четвертой задачей – ответила ли на вопрос, что такое человек? И если нет, то почему?

«Вместе с расширением самой области психологического исследования, – писал профессор М.С. Роговин, мой учитель, почти 50 лет тому назад, – вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же самое время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные “психологические механизмы”, “детерминирующие тенденции”, “содержания сознания”, “акты”, “процессы”, “обратные связи” и т.п., которые, хотя и представляют необходимые **строительные леса на здании научной психологии** (выделено мной. – Г.З.), хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [4. С. 5].

Итак, если объектом психологии является человек, то что или кто является ее предметом? Если мы найдем ответ на данный вопрос, то, возможно, найдем ответ и на вопрос, заданный И. Кантом: «Кто есть человек?»

Многие авторы серьезных трудов по методологии психологии делают вывод о том, что «проблема предмета психологии в наше время является центральной методологической проблемой» и «история психологии – история поисков предмета психологии» [5. С. 204].

«Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет в дальнейшем рассмотрении, осторожно заменяют его на “единицу”, данный предмет представляющую. Эта традиция – наследие прежней методологии, когда полагали, что из единицы (клеточки) можно будет получить целое. Поскольку до целого дойти никогда не удавалось, довольствовались обсуждением, которая из предложенных единиц более перспективна... В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет» [Там же. С. 409].

Любая отдельная категория, по мнению Б.Ф. Ломова, фиксирует лишь один из аспектов исследуемой реальности и имеет ограниченную сферу применения. Попытки рассмотреть все многообразие психических явлений через «призму единственной категории неизбежно ведут к смазыванию различий между ними; закрывается возможность исследования реальных взаимосвязей и взаимопереходов» [6].

Но такая тенденция абсолютизации отдельных категорий проявилась в психологии на самом первом этапе оформления ее в качестве самостоятельной науки, в процессе поиска своего предмета исследования. Так,

В. Вундт в качестве такого предмета объявил сознание. Категория сознания стала центральной в его психологической теории. Подобная абсолютизация отдельных категорий, «искусственное натягивание» всей психологической реальности на какую-либо категорию», особенно формально, а не содержательно характеризующую человека (его сущность), – механизм, функцию, связь (корреляцию), систему и т.п. – несомненно, «заводит психологическую мысль в тупик», утверждал Л.С. Выготский [7].

Более того, как правило, согласно свойству любой системы – тенденции движения к «избыточной устойчивости» [8], со временем та или иная категория абсолютизируется, превращается в объяснительный принцип, подчиняет себе все другие категории и понятия, оформляя тем самым особое замкнутое научное направление или школу¹. Такую систему, например, создал З. Фрейд; о ней довольно критически высказывался К. Юнг: «Из-за своего окаменелого догматизма Фрейд сам много сделал для того, чтобы две очень разные в своей основе вещи публика сочла тождественными. Его технику можно с успехом прилагать к определенным случаям медицинской практики, не поднимая ее в то же время до статуса доктрины, Против его доктрины как таковой мы обязаны выдвинуть самые энергичные возражения» [10].

На вопрос о том, что же такое человек как объект и предмет антропологической психологии, пытались ответить многие и во все время существования человека. По мнению А.А. Богданова, «вопрос этот одни решают слишком просто и конкретно (обывательщина наивная), другие слишком сложно и отвлеченно (обывательщина философская). Оба типа решений во многом сходятся между собой не только со стороны реального содержания, которое охватывают, но и со стороны основной точки зрения, из которой исходят. Это наивные решения. Наивным точкам зрения противопоставляются научные. Их не одна, их целый ряд, но в одном отношении все они недостаточны – все они «парциальны», «частичны или рационально-частичны» [11. С. 107], а потому чаще всего фрагментарны [12. С. 31–33].

Человек, считал Кант, нас интересует больше, чем природа, так как природа для человека, человек – цель природы. Учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической. Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое – исследование того, что он как свободно действующее существо делает или может делать из себя сам [13. С. 131]. И в то же время для Канта человек представляет собой единство свободы и природы. Эта позиция Канта открывает нам возмож-

¹ Для того, чтобы достичь состояния «Я есмь», необходимо устранить в себе систему. Ибо совокупность наших психоэмоциональных комплексов, верность тем или иным традициям, верованиям, идеологиям, неизменность наших ролей, занятий, профессии, характера в конечном счете представляют собой замкнутый системный контур. До тех пор, пока индивид не устранил систему из самого себя, он должен смириться со своей одномерностью (некреативностью) [9. С. 45].

ность понимания им отношения человек–личность. Для Канта реально эмпирически «есть», существует человек как «разумное природное существо», совмещающая в этом «суммативном» качестве «природность» и «разумность». Однако человек не только природен, но и разумен в той мере, в какой он «разумом как причиной определяется к поступкам и в чувственно воспринимаемом мире». В своей психике, в эмпирическом самосознании и внутреннем чувстве человек познает самого себя в качестве «сверхчувственного морального существа», явления, феномена. Когда такие философы, как М. Бубер и М. Хайдеггер, зафиксировали, что трактовкой человека как «разумного животного» Кант целиком укладывается в древнюю традицию, они правы в основном, но не во всем [14]. Кант видит сущностное своеобразие человека не просто в разумности, а в его самосознании, рефлексии человека о самом себе. Исходным пунктом осуществленного Кантом поворота (от философии без конкретного человека к философии с конкретным человеком), определившим фундаментальные предпосылки и сущностное своеобразие всей последующей философской «классики», включая немецкую классическую философию (и психологию), явились не «разумность» человека и не его «мышление» как таковое, а «мышление субъектом самого себя как мыслящего существа», т.е. его самосознание. «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он *личность*, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность...» – читаем мы в «Антропологии с прагматической точки зрения» [13. С. 139]. Главное, по Канту, не то, что делает из человека природа, а то, что он сам делает из себя.

Как я уже упоминал выше, В. Вундт видел предмет психологии в изучении способов работы сознания. Сознание оставалось замкнутым в самом себе, а процессы, протекающие в нем, не предполагали никакого участия субъекта. В психологии В. Вундта нет субъекта и личности, нет деятельности и поведения; из описания исчезла собственно психическая реальность человека [11]. В бихевиоризме и его разновидностях из сферы психологии выпало то, что составляет ее научный предмет – собственно психическое. Определив в качестве предмета психологии стимульно-реактивное поведение, бихевиоризм исключил из психологии субъективный мир человека, упростил его природу, поставил его на одну ступень с животными. В человеке качественно неразличимы простейшие формы поведения и высшие духовные способности. Бихевиоризм исключил из объяснения поведения человека его сознание, личностные ценности, идеалы, интересы и т.д.

Знаменитая односторонность психоанализа состояла в сведении человеческой психологии к бессознательным явлениям. Человек во фрейдизме предстает как иррациональное существо, а высшие формы проявления человеческого духа рассматриваются как замещение и сублимация сексуального влечения [Там же]. В нем заметна биологизация и натурализация человеческой психологии. Так, еще Л. Бинсвангер указывал, что «обраще-

ние к экзистенциальному анализу убедило его в том, что в теории Фрейда человек еще не является человеком в полном смысле этого слова» (цит. по: [15. С. 32]). Близко к этому и мнение А. Маслоу: «Созданный Фрейдом образ человека оказался определенно непригодным, ибо он не отражал человеческих стремлений, осуществимых человеческих надежд и высших свойств человека» (цит. по [Там же. С. 66]).

Оценивая гештальтпсихологию как научную школу, необходимо отметить, что здесь был, по сути, впервые раскрыт принцип целостности (принцип гештальта) при изучении психологии человека, свой взгляд на ее предмет, методы и объяснительные схемы. Но в то же время Фриц Перлз призывал: «Потеряйте голову и придите в чувство!» Также не был акцентирован, как мне кажется, принцип ценности собственно человеческо-го в человеке [16].

Когнитивная психология фактически сводит сложный мир человека к его упрощенным моделям. Характерной в этом отношении является точка зрения одного из основоположников когнитивного направления в психологии Герберта Саймона (Herbert Simon), согласно которой «человек в качестве поведенческой системы так же прост, как и муравей. Кажущаяся сложность его развертывающегося во времени поведения отражает в основном сложность окружающей среды» [17].

Советская психология имела единую философско-методологическую и мировоззренческую основу – марксизм. Начиная с 1920-х гг. она строилась как марксистская, материалистическая психология. Существо марксистского подхода к пониманию психологии человека сводилось к утверждению общественно-исторической и социальной сущности человека и к обоснованию деятельностного способа его существования. Была «нанизана на деятельностный подход», в терминах Л.С. Выготского.

Вряд ли можно считать, что понимание человека как целостно-ценностного образования представлено в факторно-аналитических теориях личности и предложенных ими методах изучения человека и личности. И позиция Айзенка и его трехфакторный тест, диагностирующий невротизм, экстраверсию и интроверсию, и 16-факторная модель личности Р. Кеттелла, и Личностный опросник / тест «Большая пятерка» (Big Five), разработанный американскими психологами Р. МакКрэй и П. Коста в 1983–1985 гг., остаются, по существу, на уровне комплексности, а не единства / целостности в понимании человека и личности (Л. Леви), не захватывая в то же время собственно духовную составляющую человека, «субъекта смысла жизни» (С.Л. Рубинштейн), «ноэтическое, духовное измерение, которое надстраивается над измерением собственно психологическим» (В. Франкл), «смысловую сферу личности как специфическую ее ткань» [18, 19]. Мне представляется, что речь идет, скорее, о смысловой сфере человека как специфической его ткани, делающей его личностью.

Ближе к человеку, по мнению Р. Мэя, «экзистенциальная позиция, которая отстаивает необходимость решать вопросы современной психологии на человеческом уровне... что этот подход отвечает тем требованиям и содер-

жит те основополагающие принципы, которые должны отличать психологию человеческого в человеке» [16. С. 60]. Такая позиция соответствует позиции гуманистической психологии вообще, которая с самого начала своего возникновения противопоставила себя бихевиоризму и психоанализу, которые оценивала как негуманные и редукционистские подходы к человеку.

Предметом описательной психологии является душевная жизнь человека в ее целостности и взаимосвязи. Гуманитарная психология выявляет структуру душевной жизни как целого, а не суммирует ее из отдельных частей [20. С. 24].

Таким образом, можно сказать, что гуманистическая психология, а также вышедшая из нее трансперсональная психология более других отошли от «парциальности», частичности или фрагментарности в подходе к человеку и подошли к целостно-ценностному его пониманию. Но целостность эта не полноценна, поскольку фактически игнорируется в модели человека его биологическая составляющая. Иначе говоря, отсутствует в антропологической позиции антропология тела (организм, тело, конституция, наследственность).

В.А. Мазиллов приходит к выводу, что «предметом научной психологии целесообразно считать **внутренний мир человека** (выделено мной. – Г.З.)» [5. С. 407]: «...внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессе жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он рождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология» [Там же. С. 409]. К такому пониманию предмета психологии как «внутреннего мира человека» автор приходит «новым для психологии способом определения предмета». В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое, – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что психология впервые приобретает перспективное нередуктивное объяснение, ибо впервые пожелание Шпрингера становится реальным – объяснение психического через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе скорее реализован научный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтеем о психологии описательной, понимающей и расчленяющей [Там же]. «Во всяком случае, – говорит Мазиллов, характеризуя внутренний мир человека, – я со своими соавторами пытались не разрушать одушевляющие связи» [Там же. С. 408–409].

По Л.Ф. Ломову, эффективная реализация принципа системности в психологии предполагает два условия. В-первых, центрированность исследования на человеке (антропоцентризм), который полагается основным объектом

психологического познания. Во-вторых, комплексный, междисциплинарный подход к природе человека... Он выступает и как организм, и как личность, и как индивидуальность, и как субъект жизни в его различных проявлениях... Изучение психики человека в качестве системы представляется Б.Ф. Ломову ключом к решению главной проблемы комплексного подхода – синтеза разнотипного знания [21. С. 91–92].

В данном утверждении наши позиции сближаются, поскольку и я тоже принципиально против того, что я называю «циклопной психологией» [22, 23]. Правда, эта позиция явно не совпадает с позицией Л.С. Выготского, который считал, что единство психологии будет достигнуто в результате отмирания одной из двух несовместимых тенденций (гуманитарной и естественно-научной) [24]. Но, как известно, феноменологическая психология за прошедшие годы не исчезла [25. С.152].

Попытки решить вопрос «силовым путем» за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии, подобная конфронтация привести и не может. В подобных условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии [5. С. 168].

Виктор Франкл вопрошает: «А где же единство человека?» (Und wo bleibt die Einheit des Menschen?) [1]. За единство человека выступал и И. Кант, для которого «человек представляет собой единство свободы и природы» [13]. Но дело в том, что, как известно, направления и научные школы в психологии определяли свою специфику, как правило, через выделение отдельной «центральной категории», посредством которой объясняются основные проявления психики. Это, скорее всего, так называемый вундтовский подход. Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтейем (1833–1911) [26]. В работе Дильтея получила развитие идея целостности психического акта, высказанная Ф. Brentano [27]. Пожалуй, Brentano первым выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Дильтей исходил из того, что существуют явления, которые целостны по своей природе, и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся воссоздать целостность из элементов), а противоположный – брать в основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т.д. [5. С. 67]. Гуманитарная (описательная) психология, по мнению Л.П. Яссман, ориентируется на специфические методы познания человека [20. С. 24]. Это не совсем так. «Психология, – говорил Дильтей, – соединяет восприятие и самонаблюдение, постижение других людей, сравнительный метод, эксперимент, изучение аномальных явлений. Она пытается сквозь многие входы проникнуть в душевную

жизнь. Весьма важным дополнением к этим методам... является пользование предметными продуктами психической жизни. В языке, в мифах, в литературе и искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собой как бы объективированную психическую жизнь» [26. С. 98].

И не удивительно, что Герман Эббингаус (Herman Ebbinghaus) в своей критической статье против Дильтея [28] не обнаружил уж слишком заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, чтобы они оправдывали претензии на две разные психологии.

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Л. Понграц (Pongratz) считает [29], что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» [28] хорошими аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он не все увидел, больше сосредоточившись на общем, не увидел различий. Представители же понимающей психологии уж слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Были раньше и сейчас встречаются здравые голоса, которые эти подходы не абсолютно противопоставляют и не указывают, какой из них «лучше», а считают, что они, скорее всего, дополняют друг друга. За это уже был Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». О. Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же считали и В. Джемс и К. Бюлер, видя в них две ступени познавательного процесса, где интуиция – это первое, но последнее слово все же за индукцией. К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир – объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие – независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, – в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» [30. С. 371–372]. А некоторые психологи – уже наши современники – справедливо считают, что в психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности.

В течение XX столетия много раз поднимался вопрос о методологическом / методическом кризисе психологии, о необходимости уйти от «методического монизма». Эта тема благополучно перевалила через границу столетий и остается острейшим предметом дискуссии и в веке XXI. Сегодня, как отмечают многие психологи, имеются признаки нового–старого методического / методологического кризиса психологии. Однако способы

разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественнонаучного методического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Нередко имеет место этакая претензия на монополию «незамутненного взгляда», на порождение «новой парадигмы и революцию в психологии». Так и хочется сказать, господа, «тщательнее» читайте не только своих кумиров и себя, любимых, но и «проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях «действительность усекается ради прекрасных глаз собственной теории» [31]. К. Ясперс тоже обращал внимание на проблему предрассудков, в том числе философских, теоретических и других, которые «отягощают и парализуют нашу мысль» [30. С. 41]. История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предрассудков, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения» [24].

На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Кронбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «схизисом» между экспериментальными и коррелятивными направлениями интеграцией. Джон Коэн на Международном психологическом конгрессе в Бонне (1961) доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклопную, одноглазую психологию». Годом раньше при своем основании Ассоциация экзистенциальной психологии и психиатрии объявила, что «хотела бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Мэй), экзистенциальную тенденцию (Роджерс), позицию дисциплинированной наивности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов [29. С. 284]. В 1962 г. отделение Философской психологии Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений. Это мысли, остающиеся актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма». Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии в последнее время на очередном съезде психологов в Казани (2018).

А поэтому прав А. Богданов, что «человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом – “человеческим телом”, ни психологическим комплексом – “сознанием”, ни социальным – “сотрудничеством”. И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не получится целостной концепции: собрание частей еще не есть целое. В раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым, она

несет ему тяжелые муки неудовлетворенности, но и толкает его на путь борьбы за ее удовлетворение. На этом пути совершается «собираение человека» [11]. Он также считал, что «новейшее время истории является эпохой собирания человека... если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте психологической науки» [Там же. С. 112–115]. И, скорее, было бы неправильным соглашаться с Фроммом, который воскликнул в XX в., что «человек умер!» [32]. Мне думается, что это восклицание является явно преждевременным (М. Твен). Можно ли считать, что мы уже все знаем о человеке, что мы знаем, что такое есть человек? Мы лишь можем с уверенностью сказать, что «человек не умер», «человек может умереть в человеке или в нем возродиться», что если он еще и не пришел / вошел, то давно стучится в дверь психологии.

В настоящее время в психологической науке отсутствует такое направление или область, которые были бы прямо ориентированы на изучение собственно человеческой психологии, хотя существует особая отрасль психологии, изучающая психику животных, – зоопсихология. Помимо этого, в свое время попытка создания единой психологии не удалась, она разделилась на большое число отдельных отраслей психологического знания. Целостная, по сути, психология человека дробится тем самым на множество отдельных психологий с учетом специфических условий жизнедеятельности человека. Ноэль Смит в своей книге «Психология. Современные системы» (2007) выделяет аж «десять и еще шесть систем» [33. С. 17–19]. Из этих отдельных «психологий» трудно вычлениить некий инвариант, невозможно составить общее представление о действительной психологии человека.

Решило ли эту проблему выделение ВАКом специальности «Психологии личности»? Как считает американский психолог Левон Леви (L. Levy), психология личности сегодня не располагает фактически ни одной завершенной теорией личности, известно множество славных имен создателей лишь личностных теорий или концепций. Он отмечает большое число определений личности, но считает, что термин «личность» на данный момент его понимания надо скорее изучать, объяснять и анализировать, чем определять. Анализируя целый ряд определений личности – Оллпорта, Газри, Гилфорда, Хелсона, МакКлелланда и др., Л. Леви [34. Р. 6] приходит к выводу, что эти определения не есть попытки ответить на вопрос: «Что такое личность?» Они акцентируют внимание на более узких сторонах сферы психологии личности. И глава «Психология личности» в огромном по собранному и систематизированному материалу труде «Руководство по клинической психологии» (Handbook of clinical psychology) под редакцией Бенджамэна Ульмана (Wolman B.B., 1965) заканчивается довольно пессимистическим выводом: «психолог-клиницист должен знать теории личности хотя бы потому, что ни одна из них не удовлетворяет полностью его запросам» [35. С.151].

«Современная психология личности, – считает более 40 лет спустя Д.А. Леонтьев, – представляет собой весьма эклектическую область, специфическое предметное содержание и границы которой весьма нечетко определены» [36. С. 4]. Здесь же он пишет о «методологических тупиках классической психологии личности»: «Не претендуя на охват всей психологии личности, хотелось бы эксплицировать главные посылки, на которых основывается основная линия психологии личности XX в., во многом зашедшая в методологический тупик, хотя наряду с этой основной линией возникают и развиваются многообразные альтернативные подходы» [Там же. С. 5]. Ученый считает, что уже во второй половине XX в. существовали предпосылки для новой методологии в науке психологии: «идеи системного подхода», «идеи эволюционизма», «гуманитарный взгляд на человека», «идеи экзистенциального миропонимания», «представления о том, что сознание выступает основой психологического функционирования особого рода, не сводимого к действию закономерно срабатывающих механизмов, описываемых традиционной психологией». Но, на мой взгляд, эти предпосылки могут оказаться эффективными только в том случае, если психология личности будет рассматриваться не с общепсихологических, а с антропopsихологических позиций. Действительно, мы пытаемся обойти «методологические тупики», в которые зашла классическая психология, но все еще двигаемся от неизвестного (человека) через неизвестное (личность человека) к неизвестному (человеку-клиенту, пациенту как личности). Это делает актуальным создание особой дисциплины, изучающей психологию человека в ее специфике, ориентированной на понимание сущностных психологических характеристик человека. На мой взгляд, такой дисциплиной может стать антропологическая психология¹.

В основание наших исследований положен **целостно-ценностный подход в контексте антропологической психологии** [14. С. 37–39]. В рамках такого подхода человек (антропос, т.е. человек, устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостно-ценностные образования, биопсихосоциоэтическое / духовное единство со структурно-уровневым строением, высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодействия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина), которые можно мыслить как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный, духовный, культурный) мир» [40].

¹ Интересно, что в учебном курсе «Антропология» под ред. Л.Д. Столяренко и др. [44. С. 4–5] при перечислении разделов антропологии нет раздела «Психологическая антропология» (или «Антропологическая психология»), хотя есть антропология эволюционная, конституционная, этническая, культурная, социальная, философская, социально-философская, политическая, экономическая, педагогическая.

Сегодня ученые все более склоняются к тому, что решающим фактором в этой интегрированной целостно-ценностной организации с все большей очевидностью является и играет доминирующую и интегрирующую роль именно духовная (ценностно-смысловая) составляющая. Одна из функций смысла жизни... интегрирующая, считал С.Л. Рубинштейн [41. С. 12]. По мнению М. Бахтина, «духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло». Согласно И. Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» [42. С. 69–70].

И. Кант указывал в своих «Антропологических лекциях» (1772), о чем мы уже выше говорили, что «человек представляет собой единство свободы и природы». Согласно метафоре, предложенной нами, сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах / пространствах и во времени от ирридикального (земного, телесного) к ноэтическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно [14]. Духовный процесс выражается в направленности человеческой души к идеям ценностей. Н.А. Бердяев определял духовность как «высшее качество, ценность, высшее достижение в человеке», считал, что «с духовностью связано глубинное Я человека, идущая из глубины сила, обязующая и поддерживающая личность в человеке» [14].

Л.П. Буева также полагает, что «духовность есть интегральное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и образ человеческий в каждом индивидуе» [43. С. 5].

Подобной точки зрения придерживался и В.В. Зеньковский: «Духовность... есть творческая сила, определяющая новое качество жизни... Духовная жизнь... полна динамизма и движения, разум и свобода в человеке, чувства и активность его, раскаяние в грехе и надежда на лучшее, все, все в нас светится и держится сверхвременным началом, которое сияет не только на вершинах психической жизни, но и в элементарных ее формах, во всем развитии души» [39. С. 48–49].

Еще в свое время Л.С. Выготский на продвинутых этапах исследования речевого поведения «ставил перед собой проблему выявления специфики одухотворенного поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека» [45].

По мнению Александра Меня, словом «духовность» обозначают две вещи, очень разные, хотя и тесно связанные между собой. Первый аспект: духовность – свойство природы самого человека, это уникальное, исключительное, важнейшее, что отличает человека от других, самых высокоразвитых живых существ, то, что даже трудно определить словами. Второй аспект связан с формой реализации нашей духовной природы, с ее отношением к Вечности, своему призванию, любви и творчеству, миру, другим

людям. Может существовать темная... демоническая форма реализации. Как талант, как наука, как любые другие возможности, наша духовность может быть направлена и на добро, и на зло [46. С. 13].

Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над ирриальным, устремляясь к нозическому, **и фактом ее возвращения назад к ирриальному с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета.** Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возрождалась в нем после того, как он дотрагивался до Матери-Земли (Геи).

В этом движении «туда-вверх к духовному и обратно-вниз к ирриальному» снимается противопоставление психологического и физиологического. Г. Бейтсон в свое время заметил, что это не лучшая оппозиция. Такое разделение на психическое и физиологическое лишает психическое энергетических характеристик, делает его нежизнеспособным, чисто «логическим» отражением. Физиологическое оказывается «слепым» и неконструктивным. Независимость рядов является мнимой, поскольку одно без другого не существует, а допущенный разрыв обесмысливает функционирование безжизненных «половинок» [5. С. 276] и не дает возможности добраться до сущности человека и личности.

Множество подходов не могло не привести к разнообразию в понимании духовности. Но чаще всего духовность связывается с нравственностью и моралью. Однако это уже другая тема для другой публикации.

Литература

1. Франкл В. Сказать жизни «Да» / под ред. [и со вступ. ст.] Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2007. 173 с.
2. Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. 711 с.
3. Бадью А. Интервью: «Человека на самом деле не существует: Мишель Фуко о том, что такое психология». URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
4. Роговин М.С. Введение в психологию. М. : Высшая школа, 1969. 384 с.
5. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : ЯрГПУ, 2017. 419 с.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
7. Выготский Л.С. О психологических системах // Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М. : Педагогика, 1982. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. 488 с.
8. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
9. Менегетти А. Система и личность. М. : Серебряные нити, 1996. 128 с.
10. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / пер. с англ. В.И. Менжулина. М. : АСТ, 2009. 252 с.
11. Богданов А.А. Собираение человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 2. С. 106–115.
12. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
13. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 1999. 471 с.

14. Залевский Г.В. Антропос – «человек, устремленный ввысь» (целостно-ценностная парадигма в контексте антропологической психологии) // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2013. № 1 (18). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.10.2018).
15. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье. М. : Институт общегуманитарных исследований : Апрель Пресс, 2008. 224 с.
16. Перлз Ф. Теория гештальттерапии. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2004. 384 с.
17. Simon H.A. Invariants of human behavior // Annual Review of Psychology. 1990. V. 41. P. 1–20. DOI: 10.1146/an-nurev.ps.41.020190.000245.
18. Братусь Б.С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988. 301 с.
19. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М. : Смысл, 1993. 43 с.
20. Ясман Л.В. Духовность в контексте психологического анализа / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. С. 11–31.
21. Барабанщиков В.А. Системный подход к структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 86–99.
22. Залевский Г.В. Понимание как метод наук о психике // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 12–22.
23. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 41–46.
24. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию М. : Академия, 2012. 208 с.
25. Кучинский Г.М. М.М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 151–163.
26. Дильтей В. Описательная психология. СПб. : Алетейя, 1996. 156 с.
27. Brentano F. Избранные работы. М., 1996. 176 с.
28. Ebbinghaus H. Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1896. № 9. URL: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/ECHOdocuView?url=/permanent/vlp/lit10281/index.meta>
29. Pongratz L.J. Problemgeschichte der Psychologie. Bern ; München : FranckeVerlag, 1967. 372 S.
30. Ясперс К. Общая психопатология. М. : Практика, 1997. 1053 с.
31. Ухтомский А.А. Письма. Пути в неизвестное. М., 1973. С. 371–435.
32. Fromm E. Escape from freedom. New York, 1941. 257 p.
33. Смит Н. Психология. Современные системы. История. Постулаты. Практика. СПб. : Еврознак, 2007. 543 с.
34. Levy L.H. Conceptions of personality: theories and research. New York : Random House, 1970. 492 с.
35. Роговин М.С. Рецензия: Руководство по клинической психологии // Handbook of clinical psychology / ed. by B.B. Wolman. New York, 1965. P. 1596.
36. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М. : Смысл, 2011. 675 с.
37. Залевский Г.В. Объяснение и понимание как методы наук о психике // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 3–14.
38. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционотическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
39. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1999. С. 48–98.
40. Старовойтенко Е.Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. 2010. Т. 7, № 1. С. 3–17.
41. Карпинский К.В. Смысложизненный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности : автореф. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 22 с.

42. Пономаренко В.А. С верой в науки о человеке // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 64–74.
43. Буева Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 5–9.
44. Антропология / под ред. Л.Д. Столяренко. М. ; Ростов н/Д., 2008.
45. Выготский Л.С. Moral insanity // Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5. С. 150–152.
46. Мень А. Трудный путь к диалогу. О духовности : интервью. М. : Жизнь с Богом, 2008.

Поступила в редакцию 05.12.2018 г.; принята 15.02.2019 г.

Залевский Генрих Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры психологии и социальной работы Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.
E-mail: Usya9@Sibmail.com

For citation: Zalevskij, G.V. “Scaffolding” on the Building Called “Psychology of Human”. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:61-78. doi: 10.17223/17267080/71/4. In Russian. English Summary

“Scaffolding” on the Building Called “Psychology of Human”

Genrikh V. Zalevskij^a

^a Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A Nevskogo str., 236041, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to consider the question existing in psychology which I. Kant asked 200 years ago “who is a man?” This question is still relevant today as well as questions like “what is psychology of human?”, “what is personality?”, “what is spirituality?” And these questions are about the subject of psychological science. The author, trying to answer these questions, agreed with M.S. Rogovin who believed that “along with the expansion of the field of the psychological research, along with the increasingly differentiated psychology its main object -- a person, is lost; a person who is a product and at the same time a creator of a particular historical period; a person with his joy and suffering, aspirations, success and mistakes -- an alive person -- the only real object of psychology. A person was substituted with abstract “psychological mechanisms”, “determinative tendencies”, “content of consciousness”, “acts”, “processes”, “feedback”, etc., which are the necessary scaffolding on the building of scientific psychology. Although these categories aggravate our understanding of the patterns of psyche; and they could obscure the ultimate goal of psychological studies if taken outside the general context of personality and human activities”. The author also shares the opinion of A.V. Mazilov, saying that “when a subject of psychology is replaced with “a unit” (a cell) the complete product disappears”. From the author’s point of view A.F. Lomov is also correct suggesting that “any individual category captures only one aspect of the studied reality and has a limited scope of application”. The author draws attention to the fact that the absolutization of certain categories occurred in psychology at the first stage of its development as an independent science, when the science was in search of its subject of study. The author suggests considering a person as a subject of psychology from the viewpoint of the integral and value paradigm; as a biopsychosocial (value and meaning) formation.

Keywords: psychology; personality; biopsychosocial inwardness; uniqueness; individuality; meaning

References

1. Frankl, V. (2007) *Skazat' zhizni "Da"* [To Say "Yes" to Life]. Translated from German by D. Orlova, D. Leontiev. Moscow: Smysl.
2. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Translated from German. Moscow: Nauka.
3. Badiou, A. (n.d.) *Interv'yū: "Cheloveka na samom dele ne sushchestvuet: Mishel' Fuko o tom, chto takoe psikhologiya"* [Interview: "There is in fact no person: Michel Foucault on what psychology is"]. [Online] Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>.
4. Rogovin, M.S. (1969) *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Mazilov, V.A. (2017) *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of psychology: history and modernity]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
6. Lomov, B.F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka.
7. Vygotsky, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
8. Zalevskij, G.V. (2003) *Teoriya sub"ekta i fiksirovannye formy povedeniya* [Subject theory and fixed forms of behaviour]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 24(3). pp. 32–36.
9. Menegetti, A. (1996) *Sistema i lichnost'* [System and Personality]. Moscow: Serebryanye niti.
10. Jung, K.G. (2009) *Tevistokskie leksii. Analiticheskaya psikhologiya: ee teoriya i praktika* [Tavistock lectures. Analytical psychology: its theory and practice]. Translated from English by V.I. Menzhulin. Moscow: AST.
11. Bogdanov, A.A. (2004) *Sobiranie cheloveka* [The Gathering of Man]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 25(2). pp. 106–115.
12. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (1995) *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka. Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. Introduction to the psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press.
13. Kant, I. (1999) *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
14. Zalevskij, G.V. (2013) *Antropos – "chelovek, ustremlenny vyys'" (tselostnostsennostnaya paradigma v kontekste antropologicheskoy psikhologii)* [Anthropos – "a person looking up" (integrity-axiological paradigm in the context of anthropological psychology)]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 1(18). [Online] Available from: <http://medpsy.ru>. (Accessed: 15.10.2018).
15. May, R. (2008) *Iskusstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya. Kak davat' i obretat' dushevnoe zdorov'e* [The Art of Counseling: How to Gain And Give Mental Health]. Translated from English by M. Budylnina. Moscow: Institute of General Humanitarian Studies: Aprel' Press.
16. Perls, F. (2004) *Teoriya geshtal'tterapii* [Theory of Gestalt Therapy]. Translated from English by V. Kislyuk, A. Kornev, V. Petrenko. Moscow: Institute of Humanitarian Studies.
17. Simon, H.A. (1990) Invariants of human behavior. *Annual Review of Psychology*. 41. pp. 1–20. DOI: 10.1146/an-nurev.ps.41.020190.000245
18. Bratus, B.S. (1988) *Anomalii lichnosti* [Anomalies of Personality]. Moscow: Mysl'.

19. Leontiev, D.A. (1993) *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on the Psychology of Personality]. Moscow: Smysl.
20. Yassman, L.V. (2011) *Dukhovnost' v kontekste psikhologicheskogo analiza* [Spirituality in the context of psychological analysis]. Moscow: Institute of Psychology, RAS. pp. 11–31.
21. Barabanshchikov, V.A. (2007) Sistemnyy podkhod k strukture psikhologicheskogo poznaniya [System approach to the structure of psychological knowledge]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 86–99.
22. Zalevskij, G.V. (2004) Ponimanie kak metod nauk o psikhike [Understanding as a method of psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 12–22.
23. Zalevskij, G.V. (2008) Ob"yasnenie i ponimanie protiv "tsiklopnoy" psikhologii [Explanation and understanding against "cyclopean" psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 41–46.
24. Zalevskij, G.V. (2012) *Vvedenie v klinicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Clinical Psychology]. Moscow: Akademiya.
25. Kuchinsky, G.M. (2007) M.M. Bakhtin i fenomenologicheskij metod issledovaniya lichnosti [M.M. Bakhtin and the phenomenological method of personality research]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 151–163.
26. Dilthey, W. (1996) *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive Psychology]. Translated from German. St. Petersburg: Aleteyya.
27. Brentano, F. (1996) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
28. Ebbinghaus, H. (1896) Über erklärende und beschreibende Psychologie [About explanatory and descriptive psychology]. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*. 9. [Online] Available from: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/EChOdocuView?url=/permanent/vlp/lit10281/index.meta>.
29. Pongratz, L.J. (1967) *Problemggeschichte der Psychologie* [Problem of the History of Psychology]. Bern; München: FranckeVerlag.
30. Jaspers, K. (1997) *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L. Akopyan. Moscow: Praktika.
31. Ukhtomsky, A.A. (1973) *Pis'ma. Puti v neznaemoe* [Letters. Ways to the Unknown]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 371–435.
32. Fromm, E. (1941) *Escape from freedom*. New York: Farrar & Rinehart, Inc.
33. Smith, N. (2007) *Psikhologiya. Sovremennye sistemy. Istoriya. Postulaty. Praktika* [Current Systems in Psychology. History, Theory, Research, and Applications]. Translated from English by N. Mironov, S. Rysev, A. Alekseev. St. Petersburg: Evroznak, 2007. 543 s.
34. Levy, L.H. (1970) *Conceptions of personality: theories and research*. New York: Random House.
35. Rogovin, M.S. (1965) Retsenziya: Rukovodstvo po klinicheskoy psikhologii [Review: Handbook of Clinical Psychology]. In: Wolman, B.B. (ed.) *Handbook of Clinical Psychology*. New York: McGraw Hill.
36. Leontiev, D.A. (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: structure and diagnosis]. Moscow: Smysl.
37. Zalevskij, G.V. (2005) Ob"yasnenie i ponimanie kak metody nauk o psikhike [Explanation and understanding as methods of psychology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 286. pp. 3–14.
38. Zalevskij, G.V., Zalevsky, V.G. & Kuzmina Yu.V. (2009) Anthropological psychology: biopsychosocionoetical model of personality and his health. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 33. pp. 99–103. (In Russian).
39. Zenkovsky, V.V. (1999) *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of education in Christian anthropology]. Moscow: Shkola-Press. pp. 48–98.

40. Starovoytenko, E.B. (2010) Paradigm of Life in Personology. *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 7(1). pp. 3–17. (In Russian).
41. Karpinsky, K.V. (2017) *Smyslozhiznennyy krizis lichnosti: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonmernosti* [Crisis of the meaning: a phenomenology, mechanisms, patterns]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow, 2017. 22 s.
42. Ponomarenko, V.A. (2007) S veroy v nauki o cheloveke [With faith in the science of human]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 4(2). pp. 64–74.
43. Bueva, L.P. (1996) Dukhovnost' i problemy npravstvennoy kul'tury [Spirituality and problems of moral culture]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 5–9.
44. Stolyarenko, L.D. (ed.) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Rostov-on-Don.
45. Vygotsky, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: [s.n.]. pp. 150–152.
46. Men, A. (2008) *Trudnyy put' k dialogu. O dukhovnosti* [A Difficult Way to Dialogue. On Spirituality]. Moscow: Zhizn' s Bogom.

Received 05.12.2018; Accepted 15.02.2019

Genrikh V. Zalevskij – professor, Department of Psychology and Social Work, Immanuel Kant Baltic Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, D. Sc., Professor.
E-mail: Usya9@Sibmail.com